

Настоящий сборник является третьим в серии *Applications of cognitive linguistics* (ACL, Приложения когнитивной лингвистики), которая была создана с целью публикации «результатов исследований в разных научных областях, где нашли успешное применение методы когнитивной лингвистики»¹. В данном случае речь идет о применении методик сравнительной лингвистической семантики (*cross-linguistic semantics*) в области прагматики. Главы сборника объединяет общая тематика, а именно, выявление культурных истоков дискурсивных стратегий и тактик, и общая мето-

¹ В серии ACL, помимо рецензируемого сборника, к настоящему времени (февраль 2008 г.) также вышли [ACL 1, 2, 4, 5]. На февраль и март планируется издание [ACL 6, 9], см. официальную страницу издательства Walter de Gruyter, где можно найти также краткое описание каждого тома. Рецензию на первый том серии (автор рецензии – Eloy JM Romero-Muñoz, Université Notre-Dame de la Paix, Namur, Belgium), см. на странице Международной ассоциации когнитивной лингвистики: <http://www.cogling.org/Reviews/kristiansen.shtml>. Помимо указанной серии, издательство Mouton de Gruyter ведет серии: *Cognitive linguistics research* (Исследования по когнитивной лингвистике, с 1990 г.), *The expression of cognitive categories* (Выражение когнитивных категорий, с 2006 г.).

дологическая основа, в первую очередь, методика «культурных скриптов», построенная на теории семантических примитивов Анны Вежбицкой, см. [Вежбицка 1999].

Идея о том, что в исследовательских целях все многообразие значений может быть сведено к списку наиболее простых, с мыслительной точки зрения, семантических «атомов», является центральной в научном творчестве А. Вежбицкой и ее школы на протяжении уже более тридцати лет [Wierzbizca 1972]. Это учение легло в основу создания так называемого «естественного семантического метаязыка» (*natural semantic metalanguage*), своеобразного когнитивного «эсперанто», с помощью которого становится возможным достаточно компактное, четкое и единообразное описание сложных культурных концептов.

Именно эта теоретико-методологическая основа является, по мнению авторов рецензируемого сборника, наиболее соответствующей для эффективного изучения речевых практик, и внедрение ее принципов в прагматику позволяет говорить о появлении новой парадигмы, которой дастся название **этнопрагматика** (с. 2). Данный сборник является своего рода манифестом нового направления. Входящие в него работы ставят своей целью обосновать необходимость нового подхода, его преимущества по сравнению с уже существующими, а также продемонстриро-

вать его возможности на примере результатов конкретных языковых исследований.

Первая глава сборника «Этнопрагматика: новая парадигма» (К. Годдард, с. 1–30) является в значительной степени программной для нового направления и теоретически объединяет остальные работы. Прочие семь разделов сборника посвящены культурному своеобразию дискурса в разных языках и региональных вариантах, в частности: установкам, запрещающим «давление» на человека в английском (А. Вежбицка, с. 31–64), бесстрастной шутливой иронии в австралийском варианте английского (К. Годдард, с. 65–98), отражению социальной иерархии в сингапурском варианте английского (Джон Онн Вонг, с. 99–126), выражению эмоций с помощью мимики лица и соответствующих языковых единиц в китайском (Чженгдао Е, с. 127–170), дискурсивным свидетельствам отношения людей к эмоциям в японской культуре (Рие Хасада, с. 171–198), коммуникативной реализации понятий *confianza* (= 'доверие') и *calor humano* (= 'человеческое тепло') в колумбийском варианте испанского (К.Е. Травис, с. 199–230) и речевым формулам благодарности в ряде западноафриканских языков (Ф.К. Амека, с. 231–266).

В первом разделе излагаются основные положения новой парадигмы. Ввиду того, что главы сборника связаны друг с другом именно общей теорией и методологией, представляется целесообразным остановиться на этом подробнее. Сама необходимость построения прагматики на новых принципах (о которых речь позже) вытекает, по мнению автора, из несовершенства существующих концепций, среди которых перечисляются концепции Грайса, Браун и Левинсона, Шпербера и Уилсон и др. [Grice 1975; Brown, Levinson 1978; Sperber, Wilson 1995], и которые условно объединяются как универсалистские (*universalist*). К. Годдард выделяет несколько ключевых изъянов универсалистской прагматики (с. 14), которые можно обобщить следующим образом. Данное направление слишком недооценивает влияние культуры на язык, в результате чего на описание и изучение речевых практик различных языковых общностей накладывается единая сетка «общечеловеческих универсалий» общения, которая на поверку оказывается псевдоуниверсальной, поскольку повторяет трафарет мышления самих исследователей (в первую очередь, англо-американский) и задает понятийный аппарат, во многом чуждый культурным корням исследуемого языка. Иными словами, автор говорит о недопустимости описания концептов одной культуры в терминах, специфичных для

другой и внешних по отношению к первой. Вообще понятия внешнего взгляда и взгляда изнутри (*external and internal perspectives*) занимают важное место в авторской аргументации. При этом первое рассматривается как влекущее за собой негативные последствия для понимания языковых фактов, и описывается также терминами *этноцентризм* или *англоцентризм*, поскольку теоретики универсалистской прагматики принадлежали к англо-американской культуре. Привлекая философскую аналогию, можно сказать, что автор винит их в ошибках, проистекающих из «идолов рода, пещеры и рынка» Ф. Бэкона, вместе взятых.

В противовес автор указывает на парадигму, в которой за исходный принцип принимается утверждение, что речевые практики наиболее понятны при их изучении изнутри самой культуры (с. 2). Делать заявление о возникновении альтернативной парадигмы позволяет автору наличие в новом направлении исследований особенной цели (выявление мотивации речевых актов, как она понимается носителями языковой культуры), методологии (из сравнительной лингвистической семантики), а также приверженности принципу укорененности выводов в языковом материале.

Главной методикой, которую используют авторы рецензируемого сборника для проникновения «внутрь» культуры, является «культурный скрипт»², т.е. «констатация, – выраженная по большей части или целиком с помощью неэтноцентричного метаязыка семантических примитивов, – какого-либо отношения, оценки или мнения, которые, предположительно, широко известны и являются общими для людей данной языковой общности» (с. 5). По-видимому, позволительно говорить о том, что «культурный скрипт» является своеобразной установкой, алгоритмом, который задаст стереотипные способы взаимодействия людей в том или ином обществе. «Культурные скрипты» могут быть первичными или вторичными (с. 12), мыслительными, отношенческими, речевыми, эмоциональными, поведенческими (см. примеры на с. 110, 78, 176, 247), например:

малайский культурный скрипт *balasan*
'адекватное воздаяние' за дела:

люди думают так:

хорошие вещи случаются с человеком, если этот человек делает хорошие дела;

² Теорию и примеры см. с. 5–14, 33–36, а также [Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002]; кроме того, раздел о методологии присутствует почти в каждой главе.

плохие вещи случаются с человеком, если этот человек делает плохие дела (с. 13).

Как видно из примера, «культурные скрипты» записываются с помощью семантических примитивов: элементарных понятий и операций с ними – лексики и грамматики, – существование которых отмечено в большинстве языков (например, *кто-либо, что-либо, люди, сказать, делать, думать, хороший*, с. 3), что делает такую запись открытой для понимания носителей разных культур. Ввиду возникающей иногда необходимости задействовать в скрипте сложные концепты, которые по той или иной причине важны в описываемой ситуации (например, *ребенок*), вводится понятие семантической молекулы, т. е. конгломерата значения, который функционирует как единое целое и специально оговаривается (с. 9). Итак, самими создателями метаязыка подмечена его схожесть с таблицей химических элементов. Если продолжить это сравнение, «культурные скрипты» было бы уместно уподобить химической формуле взаимодействия атомов и молекул.

Таким образом, хотя это и звучит несколько парадоксально по отношению к сказанному выше, этнопрагматика по существу также претендует на универсальность описания речевых практик, будучи направленной на исследование смыслов различных языков по единообразной схеме, однако универсализм в этом случае носит принципиально иной характер. Допустимость и даже выгода единообразного описания семантики в этом случае зиждется на предварительно накопленных экспериментальных данных, свидетельствующих в пользу существования семантических примитивов.

Несомненным преимуществом методики «культурных скриптов», по сравнению с «универсалиями» прочих концепций, является возможность избежать различных «идолов», поскольку экспликация мотивировки языковых фактов осуществляется с помощью наиболее простых и внутренних для любой культуры понятий.

Список типов языкового материала, который получил рассмотрение с помощью «культурных скриптов» (с. 15–16), является более или менее стандартным для когнитивных исследований, опирающихся, в первую очередь, на ключевые слова культуры (культурные концепты), обиходные фразы и речевые образцы, устойчивые выражения и фразологизмы, в которых кристаллизуются мысленные единицы, распространенные в данной языковой общности.

Во второй главе «Скрипты англо-американской культуры против “давления” на дру-

гих людей» на примере специфически англо-американской культурной коммуникативной стратегии, запрещающей оказывать давление (*put pressure*) на собеседника, автором показывается недопустимость подстановки англокультурных установок в качестве общечеловеческих «по умолчанию» (с. 33) в исследованиях по прагматике.

А. Вежбицка приводит обширный и тщательно подобранный языковой материал, иллюстрирующий различные способы избежания давления на собеседника в современном английском языке, в частности, запрет на использование в обыденной речи повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы. Проводя сравнение с данными ряда европейских языков (французского, немецкого, польского, румынского, итальянского, отдельно русского), в которых подобные речевые тактики в различной степени представлены, автор приходит к заключению, что указанное выше избегание навязчивости в высказывании просьб является характерным именно для англо-американской культуры. Что наиболее интересно, автору удается внести диахроническую перспективу в исследование и показать стадии развития современного положения дел (с. 53):

- 1) свободное использование повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы в начале новоанглийского периода (*I pray thee, do it*); 2) увеличение ограничений на использование повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы, введение в просьбу условного наклонения (*Could I would you do it?*); 3) представление просьбы в качестве предложения, над которым можно подумать и согласиться (*I would suggest, you might like to, you might consider, perhaps you could, if you would like to*); 4) представление просьбы в качестве размышления над тем, может ли желает ли собеседник ее выполнить (*I wonder if you could*).

Данное исследование, помимо чисто языковых моментов, значимо также за счет того, что оно указывает на ценностные истоки рассматриваемого скрипта, а именно, большое значение, которое придается в современной англо-американской культуре личной автономии и независимости (с. 54).

Третья глава связана с выявлением установок бесстрастной (*deadpan*, произносимой с серьезным лицом) шуточной иронии, и некоторых других языковых явлений, характерных для австралийского варианта английского языка. Автор показывает, что в их основе лежат ценностные и поведенческие скрипты, требующие считать других подобными себе, не выделяться, не быть самодовольным, не

желать восхищения собой, не падать духом в трудных обстоятельствах, не жаловаться и т.д. Указанные скрипты иллюстрируются языковым материалом (*no whinging, no worries, a bit, pretty, bullshit, rubbishing mates*), который, однако, нельзя назвать обширным для каждого случая, особенно для серьезной иронии, вынесенной в заглавие работы. Статья не производит цельного впечатления, хотя и дает общее представление о характерных культурных установках и языковых клише.

В следующей 4 главе исследуются три культурных концепта разговорного сингапурского английского, которые отражают важную роль общественной иерархии в сознании говорящих. В разговорном сингапурском варианте английского языка заметно влияние различных вариантов китайского и малайского языков, и задачей автора является показать наложение соответствующих культур в дискурсивных стратегиях. Так, использование почтительного слова *Auntie* 'Тетушка' (и *Uncle* 'Дядя') в качестве обращения к женщине, принадлежащей поколению родителей говорящего, является аналогией употребления похожих по значению терминов в китайском языке. Глагол *call* 'звать, называть' может употребляться в особом значении (ср. русск. *величать*), в сочетании с почтительным обращением (*call Auntie*), например, в ситуации, когда родители знакомят ребенка с людьми своего поколения и указывают ему на необходимость оказывать им почтение, обращаясь к ним особым образом. Такое употребление *call* также соответствует речевому образцу, существующему в китайском языке. Китайское заимствование *guāi* 'хороший мальчик' (*well-behaved*) является одобрителем обращением взрослых старшего поколения к ребенку.

Глава 5 о «загадочном китайском лице» является одной из наиболее интересных в сборнике, наряду со статьями А. Вежбицкой и Ф. Амеки, и одновременно отвечающих принципу обоснованности выводов практическим материалом. Эта глава посвящена исследованию китайских культурных скриптов, стоящих за выражением эмоций с помощью мимики лица и соответствующими языковыми выражениями. Рассмотрение переходит последовательно от 1) характерных китайских выражений лица, которые отсутствуют или слабо представлены в других культурах, к 2) лицевой мимике, схожей в разных культурах, но имеющей специфическую интерпретацию среди китайцев, и 3) специфическим для китайской культуры правилам, диктующим те или иные выражения лица в ситуациях, когда другие культуры диктуют другие выражения. Особенно следует отметить обстоятельную

методику исследования. Автор сопоставляет устойчивые языковые выражения, относящиеся к лицевой мимике (33 единицы), сами выражения лица, и их интерпретации людьми – носителями данной культуры. Значение каждого из выражений, и, таким образом, подходящая каждому выражению лица ситуация, получает описание с помощью культурного скрипта.

Важным представляется также то, что автор подытоживает работу сопоставлением скриптов для выражений лица и культурных ценностей, которые в конечном счете их определяют, а именно: *rěn* 'терпение, выдержка', *hé* 'гармония, мир, единение, доброжелательность', *hán yǎng* 'воспитанная способность сдерживать проявления чувств', *āi* 'сопереживание горя' (с. 150–156).

Шестая глава посвящена описанию в виде культурных скриптов отношения японцев к эмоциям (с. 171). Рассмотрение своего предмета автор начинает с отношения носителей англо-американской и японской культур к откровению/сокрытию своих эмоциональных проблем (предпочтение при откровении отдается психотерапевту в первой и близким – во второй). В следующем подразделе делается вывод, что для японцев в общем характерно ставить эмоциональность над рациональностью. В некоторых случаях поощряется проявление слез, например, в случае большого успеха. Вместе с тем, примеры других культурных скриптов в дальнейшем показывают, что обычно проявление на людях таких эмоций, как гнев, печаль, радость, встречает неодобрение в японской традиции как противоречащее добродетели сдержанности, а также как способное травмировать чувства других людей. Важную роль в оценке эмоциональных проявлений играет ориентированность японцев на комфорт окружающих и мнение общества в целом (*hito, seken-tei*). Работа производит впечатление несколько неупорядоченной и отрывистой. Возможно, большей ясности способствовала бы более представительная выборка примеров и четкость в изложении.

В седьмой главе обсуждается дискурсивная реализация культурных концептов *confianza* (= 'доверие') и *calor humano* (= 'человеческое тепло') в колумбийском испанском. В фокусе внимания К. Травис находятся как сами эти концепты, так и ласковые обращения (например, *mi amor* 'любовь моя'), которые отражают важность в колумбийской культуре «внешнего выражения доброго расположения к другим людям и словесного подтверждения той связи, которая существует в межличностных отношениях» (с. 199). Автор отмечает

широкое употребление в разных видах общения, особенно между супругами и друзьями, ласковых обращений, в том числе псевдотерминов родства (например, *mamito* 'мамочка', *papito* 'папочка' во взаимном общении супругов).

Последняя глава сборника содержит разбор, пожалуй, самых непривычных для европейского менталитета культурных скриптов, определяющих способы выражения благодарности в западноафриканских языках эве, акан, ликпе и були. В начале определяется категориальное своеобразие благодарности в западноафриканских языках по сравнению с другими языками мира, в частности, упоминается наложение категорий благодарности и поздравления в западноафриканских языках, которое может быть связано как с общей семантикой 'доброжелательности' (с. 235), так и с тем, что при поздравлении воздается благодарность сверхъестественным силам (с. 236). Автор подробно рассматривает эксплицитные способы выражения благодарности, имплицитную похвалу благодетеля путем указания на его доброе дело ('ты спас меня'), на его возвышение ('ты сильный'), путем отрицания похвалы (по-видимому, риторический прием типа русск. 'нет слов, чтобы выразить мою благодарность'), в том числе метафорически в пословицах ('корова не благодарит пастбище') и гиперболически в устойчивых выражениях ('когда я умру, не плачь'). Исследование показывает необходимость знания мыслительных и религиозных культурных установок для адекватного понимания подобных выражений.

Обзор работ показывает, что цель авторами сборника была в целом достигнута: полезность, эффективность и перспективность методики культурных скриптов не вызывает сомнения. В частности, объяснение такой сложной установки, какая приводится для австралийской иронии, было бы чрезвычайно затруднительным без метаязыка семантических примитивов (с. 88).

Несмотря на некоторую неровность разделов сборника, можно смело сказать, что перед нами серьезный, интересный и четко структурированный труд группы единомышленников. Помимо введенного в научный оборот богатого языкового материала и новых выво-

дов относительно дискурсивных установок разных языков, каждая глава сборника содержит список литературы по рассматриваемой теме.

На наш взгляд, рецензируемый сборник представляет интерес для специалистов в области прагматики, стилистики, когнитивной лингвистики и сопоставительной семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежбицка 1999 – А. Вежбицка. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- ACL 1 – Cognitive linguistics: Current applications and future perspectives / Ed. by G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, J. Francisco Ruiz de Mendoza Ibanez. Berlin, 2006.
- ACL 2 – R. Caballero. Re-viewing space: Figurative language in architects' assessment of Built Space. Berlin, 2006.
- ACL 4 – Fr. Cámara Pereira. Creativity and artificial intelligence: A conceptual blending approach. Berlin, 2007.
- ACL 5 – B. Cornillie. Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi-)auxiliaries: A cognitive-functional approach. Berlin, 2007.
- ACL 6 – Cognitive linguistic approaches to teaching vocabulary and phraseology / Ed. by F. Boers, S. Lindstromberg. Berlin (в печати).
- ACL 9 – Cognitive approaches to pedagogical grammar: A volume in honour of Rene Dirven / Ed. by S. De Knop, T. De Rycker. Berlin (в печати).
- Brown, Levinson 1987 – P. Brown, S.C. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002 – Meaning and universal grammar – Theory and empirical findings / Ed. by C. Goddard, A. Wierzbicka. V. I, II. Amsterdam (Phil), 2002.
- Grice 1975 – H.P. Grice. Logic and conversation / Syntax and semantics. V. 3: Speech acts / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. New York, 1975.
- Sperber, Wilson 1995 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance: Communication and cognition. Oxford, 1995.
- Wierzbicka 1972 – A. Wierzbicka. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.